ФЕДОР СОЛОГУБ

ЧАРОДЕЙНАЯ ЧАША

„ЭПОХА“ ПЕТЕРБУРГ 1922

ФЕДОР СОЛОГУБ

ЧАРОДЕЙНАЯ ЧАША

СТИХИ

„ЭПОХА“
ПЕТЕРБУРГ
1922

Р. Ц. Петроград. 23-я Госуд. тип. Б. Болотная, д. 10.

ЧАРОДЕЙНАЯ ЧАША

Посвящаю

Анастасии Сологуб-Чеботаревской

Нет словам переговора,
Нет словам недоговора.
Крепки, лепки навсегда,
Приговоры-заклинанья
Крепче крепкого страданья,
Лепче страха и стыда.

Ты измерь, и будет мерно,
Ты поверь, и будет верно,
И окрепнешь, и пойдешь
В путь истомный, в путь бесследный,
В путь, от века заповедный.
Все, что ищешь, там найдешь.

Слово крепко, слово свято,
Только знай, что нет возврата
С заповедного пути.
Коль пошел, не возвращайся,
С тем, что любо, распрощайся,—
До конца тебе итти.

Заклинаньем обреченный,
Вещей деве обрученный,
Вдался слову ты в полон.
Не жалей о том, что было
В прежней жизни сердцу мило,
Что истаяло, как сон.

Ты просил себе сокровищ
У безжалостных чудовищ,
Заклинающих слова,
И в минуту роковую
Взяли плату дорогую,
Взяли все, чем жизнь жива.

Не жалей о ласках милой.
Ты владеешь высшей силой,
Высшей властью облечен.
Что живым сердцам отрада,
Сердцу мертвому не надо.
Плачь, не плачь, ты обречен.

19 января 1922.

День и ночь измучены бедою;
Горе оковало бытие.
Тихо плача, стала над водою,
Засмотрелся месяц на нее.

Опустился с неба, странно красен,
Говорит ей:—Милая моя!
Путь ночной без спутницы опасен.
Хочешь или нет, но ты—моя.—

Ворожа над темною водою,
Он унес ее за облака.
День и ночь измучены бедою,
По свету шатается тоска.

30 января 1922.

Чародейный плат на плечи
Надевая, говорила:
— Ах, мои ли это речи?
Ах, моя ли это сила?
Посылает людям слово
Матерь Господа живого.—

Чародейный посох в руки
Принимая, говорила:
— Ах, не я снимаю муки,
Не во мне живая сила.
Перед нами у порога
Тайно станет Матерь Бога.—

Чародейный круг чертила,
Озиралась и шептала:
— Ах, моя ли это сила?
Я ль заклятия слагала?
Призовет святые лики
Матерь Господа Владыки.—

24 декабря 1897.

В стране сурового изгнанья,
На склоне тягостного дня,
Святая сила заклинанья
Замкнула в тайный круг меня.

Кому молюся, я не знаю,
Но знаю, что услышит Тот,
Кого молитвой призываю,
Кому печаль моя цветет.

Его мимолетящей тени,
Что исчезает, смерть поправ,
Молюся я, склонив колени
На росной ласковости трав.

И заклинанья не обманут,
Но будет то же все, что есть,
Опять страдания предстанут,
Все муки надо перенесть.

Что Тот вкусил, кто жало Змея
На-веки вырвал, надо мне,
Жестокой мукой пламенея,
Вкусить в последней тишине.

7 июля 1887.

Бога милого, крылатого
Осторожнее зови.
Бойся пламени заклятого
Сожигающей любви.

А сойдет путем негаданным,
В разгораньи ль ясных зорь,
Или в томном дыме ладанном,—
Покоряйся и не спорь.

Прячет лик свой под личинами,
Надевает шолк на бронь,
И крылами лебедиными
Кроет острых крыл огонь.

Не дивися, не выведывай,
Из каких пришел он стран,
И не всматривайся в бредовый,
Обольстительный туман.

Горе Эльзам, чутко внемлющим
Про таинственный Грааль,—
В лодке с лебедем недремлющим
Лоэнгрин умчится вдаль.

Вещей тайны не разгадывай,
Не срывай его личин.
Силой Боговой иль адовой,
Все равно, он—властелин.

Пронесет тебя над бездною,
Проведет сквозь топь болот,
Цепь стальную, дверь железную
Алой розой рассечет.

Упадет с ноги сандалия,
Скажет змею:—Не ужаль!—
Из цианистого калия
Сладкий сделает миндаль.

Если скажет:—Все я сделаю!—
Но проси лишь об одном:
Зевс, представши пред Семелою,
Опалил ее огнем.

Беспокровною Дианою
Любовался Актеон,
Но, оленем став, нежданою
Гибелью был поражен.

Пред законами суровыми
Никуда не убежим.
Бог приходит под покровами,
Лик его непостижим.

6 мая 1921.

Выди в поле полночное,
Там ты стань на урочное,
На заклятое место,
Где с тоской распрощалася,
На осине качалася
Молодая невеста.

Призови погубителя,
Призови обольстителя,
И приветствуй прокуду,
И спроси у проклятого,
Небылого, незнатого,
Быть добру или худу.

Опылит тебя топотом,
Оглушит тебя шопотом,
И покатится с поля,
Слово до-веку свяжется,
Без покрова покажется
Посуленная доля.

27 августа 1897.

Назвать, вот этот цвет лиловый,
 А этот голубой.
Смотри: король и туз бубновый
 Легли перед тобой.

Приснился тихий сумрак храма
 И дымный фимиам.
Выходит пиковая дама,
 Гроза всех милых дам.

И все же погадать нам сладко
 В мерцании лампад.
Легла червонная десятка
 Преградой для отрад.

Именованья и гаданья—
Суровой Мойре дань.
Прими покорно все страданья,
И скорбью душу рань.

Скажи: вот этот цвет—лиловый,
А этот—голубой.
Истает мир, возникнет новый,
И в нем Она с тобой.

3 июля 1920.

Призрак ели с призраком луны
Тихо ткут меж небом и землею сны.

Призрак хаты с призраком реки
Чуть мерцающие зыблют огоньки.

А над тихо ткущимися снами,
И над тихо зыблемыми огоньками,

И над призраками бедных хат
Ночь развертывает чародейный плат,

Опрокидывает чародейный щит,
И о свете незакатном ворожит.

1 октября 1916.

Снова саваны надели
Нивы, рощи и луга.
Надоели, надоели
Эти белые снега,

Эта мертвая пустыня,
Эта дремлющая тишь!
Отчего ж, душа-рабыня,
Ты на волю не летишь,

К буйным волнам океана,
К шумным стогнам городов,
На размах аэроплана,
В громыханье поездов?

Или, жажду жизни здешней
Горьким ядом утоля,
В край невинный, вечно вешний,
В Элизийские поля?

5 февраля 1921.

Так же внятен мне, как прежде,
Тихий звук ее часов,
Стук тоскующего сердца
В темном шорохе годов.

Не к земной зовут надежде
Хоры тайных голосов,
Но ясна для одноверца
Вера в правду вещих снов.

И в изорванной одежде
Он к причастию готов,
И узка, но блещет дверца
Однолюбу в край богов.

13 января 1922.

Пришла ночная сваха,
Невесту привела.
На ней одна рубаха,
Лицом она бела,

Да так, что слишком даже,
В щеках кровинки нет.
— Что про невесту скажешь?
Смотри, и дай ответ.—

— Да что же думать много!
Пришла, так хороша,
Не стой же у порога,
Садись, моя душа.—

В глазах угроза блещет,
Рождающая страх,
И острая трепещет
Коса в ее руках.

14 февраля 1905.

В камине пылания много,
И зыбко, как в зыбке миров.
Душа нерожденного бога
Восстала из вязких оков,

Разрушила ткани волокон,
Грозится завистливой мгле,
И русый колышется локон,
Чтоб свившись поникнуть в золе,—

И нет нерожденного бога,
Погасло пыланье углей,
В камине затихла тревога,
И только пред ним потеплей.

Мы радость на миг воскресили,
И вот уж она умерла,
Но дивно сгарающей силе
Да будут восторг и хвала.

Едва восприявши дыханье,
Он, бог нерожденный, погас,
Свои умертвил он желанья,
И умер покорно для нас.

31 декабря 1918.

Как ярко возникает день,
В полях оснеженных бегущий мимо!
Какая зыбкая мелькает тень
От синеватых клочьев дыма!

Томившая в ночном бреду
Забыла тягость утомлений,
И память вновь приводит череду
Давно не мной придуманных сравнений.

И сколько б на земле ни жить,
Но обречен я каждым утром
Все тем же простодушным перламутром,
Все тою ж бирюзою ворожить.

Встречать людей таких же надо снова,
    Каких когда-то знал Сократ,
А к вечеру от счастия земного
    Упасть в тоске у тех же врат,

    И, так же заломивши руки,
Такую ж острую вдыхая пыль,
Опять перековать в ночные муки
    Мгновенно-сладостную быль.

3 февраля 1917.

Мне боги праведные дали,
Сойдя с лазоревых высот,
И утомительные дали,
И мед укрепный дольных сот.

Когда в полях томленье спело,
На нивах жизни всхожий злак,
Мне песню медленную спело
Молчанье, сеющее мак.

Когда в цветы впивались жала
Премудрых медотворных пчел,
Серпом горящим солнце жало
Созревшие колосья зол.

Когда же солнце засыпало
На ложе облачных углей,
Меня молчанье засыпало
Цветами росными полей,

И вкруг меня ограды стали,
Прозрачней чистого стекла,
Но тверже закаленной стали,
И только ночь сквозь них текла

Пьяна медлительными снами,
Колыша ароматный чад.
И ночь, и я, и вместе с нами
Томились рои вешних чад.

1 июня 1919.

Туманы над Волгою милой
Не спорят с моею мечтой,
И все, что блистая томило,
За мглистою никнет чертой.

Туманы над милою Волгой
В забвении тусклых болот
Пророчат мне счастья недолгий,
Но сладостно-ясный полет.

3 авгу[illegible] 1920.

Из чаш блистающих мечтания лия,
Качели томные подруги закачали,
От озарений в тень, из тени в свет снуя,
Колыша синевой и белым блеском стали.

По кручам выше туч проходит колея,
Высокий путь скользит над темнотой печали,
И удивляемся,—зачем же мы дрожали?
И знаю, – в полпути угасну ярко я.

По колее крутой, но верной и безгрешной,
Ушел навеки я от суетности внешной.
Спросить я не хочу:—А эта чаша—чья?—

Я горький аромат медлительно впиваю,
Гирлянды тубероз вкруг чаши обвиваю,
Лиловые черты по яспису вия.

21 июня 1919.

Обнаженный царь страны блаженной,
Кроткий отрок, грозный властелин,
Красотой сияя нерастленной,
Над дремотной скукою равнин,

Над податливостью влажных глин,
Над томленьем тусклым жизни пленной
Он вознесся в славе неизменной,
Несравненный, дивный, он один.

Блещут яхонты, рубины, лалы
В диадеме на его кудрях,
Два огня горят в его очах,

И уста его, как вишни алы.
У него в руках тяжелый меч,
И в устах пленительная речь.

24 июля 1920.

Ты хочешь, девочка луна,
Идущая с крутого неба,
Отведать горнего вина
И нашего земного хлеба.

Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твое медлительное тело.

Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поешь ты в благодатном хоре.

Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.

12 августа 1917.

И это небо голубое,
И эта выспренняя тишь!
И кажется,—дитя ночное,
К земле стремительно летишь,

И радостные взоры клонишь
На безнадежную юдоль,
Где так мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.

А все-таки стремиться надо,
И в нетерпении дрожать.
Не могут струи водопада
Свой бег над бездной задержать,

Не может солнце стать незрячим,
Не расточать своих лучей,
Чтобы, рожденное горячим,
Все становиться горячей.

Порыв, стремленье, лихорадка,—
Закон рожденных солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Все, что от неба получил.

6 июня 1918

Словно бусы, сказки нижут,
Самоцветки, ложь да ложь.
Языком клевет не слижут,
Нацепили, и несешь.

Бубенцы к дурацкой шапке
Пришивают, ложь да ложь.
Злых репейников охапки
Накидали, не стряхнешь.

Полетели отовсюду
Комья грязи, ложь да ложь.
Навалили камней груду,
А с дороги не свернешь.

По болоту-бездорожью
Огоньки там, ложь да ложь,—
И барахтаешься с ложью,
Или в омут упадешь.

10 октября 1893.

Хотя бы нам и обещали
Завоевание луны,
Но все небесные скрижали
Еще для нас запрещены,

И все еще безумье радо
Ковать томительные сны
Над плитами земного ада
Под гулы тусклой глубины,

И все еще разумной твари
Века неволи суждены
Томиться в длительном угаре
Всегда сжигаемой весны.

15 мая 1915.

Ничто не изменит
В том мире, где водят волов,
Один из бурливых валов,
Когда мою лодку, разбивши, опенит.

Склюют мне лицо
Вороны, резвяся и грая,
И дети, песками играя,
Сломают мне палец, и стащут кольцо.

Мне кости почище,
Соленая влага, домой.
Мой дух возвратится домой,
Истлевшему телу не нужно кладбище.

31 мая 1919.

В угрюмой, далекой пещере,
В заклятой молчаньем стране
Лежит уже много столетий
Поэт в зачарованном сне.

Не тлеет прекрасное тело,
Не ржавеют арфа и меч,
И ткани расшитой одежды
С холодных не падают плеч.

С тех пор, как прикрыли поэта
Тенета волшебного сна,
Подпала зароку молчанья
Отвергшая песни страна.

И доступа нет к той пещере.
Туда и высокий орел,
Хоть зорки крылатые очи,
А все же пути не нашел.

Одной только деве доступно
Из всех, кто рожден на земле,
В святую проникнуть пещеру,
Витать в очарованной мгле,

Склоняться к холодному телу,
Целуя немые уста,
Но дева та—муза поэта,
Зажженная в небе мечта.

Она и меня посещала
Порою в ночной тишине,
И быль о заклятом поэте
Шептала доверчиво мне.

Не раз прерывался слезами
Ее простодушный разсказ,
И вещее слово расслышать
Мешали мне слезы не раз.

Покинуть меня торопилась,—
Опять бы с поэтом побыть,
Глядеть на спокойные руки,
Дыханием арфу будить.

Прощаясь со мною, тревожно
Она вопрошала меня:
— Ты знаешь ли, скоро ли вспыхнет
Заря незакатного дня?

— Ах, если бы с росною розой
Могла я сегодня принесть
Печалью плененному другу
Зарей осиянную весть!

— Он знает: сменяются годы,
Столетия пыльно бегут,
А люди блуждают во мраке,
И дня беззакатного ждут.

— Дождутся ль? Светло торжествуя,
Проснется ли милый поэт?
Иль к вечно-цветущему раю
Пути вожделенного нет?—

5 июля 1892.

Я вышел из потайной двери,
И нет возврата в милый рай.
Изнемогай, но в ясной вере,
Душа, томительно сгарай.

В кипенье темного потока,
Бегущего с горы крутой,
Рукою беспощадной Рока
Заброшен ключ мой золотой.

У первозданных стен Эдема
В пустыне безнадежных дней
Что мне осталось? Диадема
Из опаляющих огней,

И мантия пророка,—тяжко
На плечи давит мне она,—
И скрытая в одежде фляжка
С вином, где дремлет тишина,

И что еще? воспоминанья,
О днях любви, когда и я
Испытывал очарованья
И осиянность бытия.

И вот один у тайной двери,
Как пригвозженный раб, стою,
Безумству моему и вере
Смятенный дух мой предаю.

19 февраля 1922.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Из собранных в этой книге стихотворений четыре были напечатаны раньше:

„Бога милого, крылатого"—в Петербургском Сборнике 1922 г.

„Как ярко возникает день"—во втором альманахе „Творчество", 1917 г.

„Ты хочешь, девочка-луна" — в журнале „Огонек" 1917 г. № 36, 17 сентября.

„Хотя бы нам и обещали"—в газете „Петроградский Голос" 1918 г., № 79, 14 мая.

Остальные печатаются первый раз.

К стих. „Нет словам переговора" (стр. 9):

В книге Крушевского „Заговоры, как вид русской народной поэзии, Варшава, 1876" говорится:

„В конце почти всякого заговора стоит часть, которую можно было бы назвать закреплением. Часть эту я нашел только в русских заговорах... Она чаще всего выражается формулами: и слова мои крепки; будьте слова мои крепки и лепки до веку; нет моим словам переговора и недоговора; будь ты, мой приговор, крепче камня и железа, и т. п. Здесь, кажется, сам народ засвидетельствовал, что силу заговора он видит именно в слове".

К стих. „День и ночь измучены бедою“ (стр. 11):

В книге С. Шашкова „Шаманство в Сибири“ передается легенда о том, что мать, пославшая свою дочь за водою, долго ждала ее, потеряла терпение, и закричала: „Чтоб солнце ее взяло!“ Солнце и месяц сошли с неба, чтобы овладеть девушкою; солнце уступило ее месяцу, потому что ночной путь опасен без спутницы.

К стих. „Чародейный плат на плечи“ (стр. 12):

Крушевский в упомянутой выше книге говорит, что в заговорах часто встречаются формулы в таком роде: „не я говорю, не я выговариваю,—выговаривает, отговаривает сама Божья матушка“. „Сила заговора здесь основывается на авторитете божества“.

СОДЕРЖАНИЕ.

Каталог Издательства „ЭПОХА".

Склад изданий: Петербург, Невский, 57.

Андрей Белый.

Котик Летаев. Роман. *(Печатается).*
О смысле познания. *(Печатается).*
Поэзия слова. *(Печатается).*

М. О. Гершензон.

Ключ веры. *(Печатается).*

Евг. Замятин.

Герберт Уэллс.
Чрево. Землемер. Разсказы.

Всев. Иванов.

Цветные ветра. Повесть.
Лога. Разсказы.

Николай Клюев.

Четвертый Рим.

Иванов-Разумник.

Заветное. I. „Черная Россия". II. Вечные пути. *(Печатается).*
Скифское. I. Иго войны. II. Две России. *(Печатается).*

Федор Сологуб.

Заклинательница змей. Роман.
Соборный благовест. Стихи.
Зачарованная чаша.

Владислав Ходасевич.

Статьи о русской поэзии. Книга I.

К. И. Чуковский.

Книга об Александре Блоке.
Книги о Некрасове:

1. Некрасов как художник.
2. Поэт и палач.
3. Жена поэта.

Ольга Форш.

Индрыгин Сказ.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Петербург, Невский, 57